

Кованда ночью выбирал из портфеля министра документы, привносил их домой для изучения и ознакомления, перепечатывал их на машинке и передавал служившему тогда в ВВФ Махару.

К последнему за документами приехал из Праги сам Масарик, а послѣ, когда он сошелся ближе с Бенешем, то послал и его.

В половинѣ сентября Масарик воспользовался случаем проводить свою американскую золовку в Роттер-

дам; там свесил с Англией и по дороге присмотрѣлся к настроениям в Голландии и Германіи.

В Чехіи настроенія прояснились, укрѣплялась антиавстрийская идея и шло только о том, как создать организацию и что дѣлать.

Масарик через ротмистра Гоппе, из Пражскаго корпуснаго управления, имѣл свидѣнія о настроениях в войсках и администраціи.

(Продолженіе и слѣд. номеръ).

Свой.

## Международная жизнь

*Литва и Польша. Большевики в Женевѣ и в Китаѣ. Сахалин.*

Последняя сессія Верховнаго Совѣта Лиги Націй прошла под знаком польско-литовскаго примиренія. Трения между Польшою и Литвою — давняго происхожденія, и главным их цѣлком служилъ вопрос о городѣ Вильнѣ и Виленском округѣ. Вначалѣ из за этой территоріи спорили трое: Литва, Польша и Бѣлоруссія, и всѣ они имѣли за собою тѣ или иные права. Бѣлоруссы требовали Вильню с округом себѣ, так как вся территорія, если не считать самаго города Вильны, заселена в значительной части бѣлоруссами; поляки основывали свое право на том, что большинство жителей города Вильны — польское, и что в округѣ царят издавна польская культура; литовцы требовали Вильню с округом себѣ потому, что это исконный литовскій край, а Вильно — историческая столица бывшаго Литовскаго государства. Когда выпала из спора Бѣлоруссія, остались двое, Вильно досталось болѣе сильной соперницѣ — Польшѣ, но Литва не прекращала своих притязаній, и для того, чтобы это манифестировать, осталась с Польшою на „положеніи войны“. Так дѣло и стояло свыше четырех лѣтъ, начиная с 1923 года. Не помогло даже и рѣшеніе наивысшаго тогда интернациональнаго учрежденія — Конференціи антантскихъ послан, в которой обратилась Литва, и которая присудила Вильню Польшѣ. Литва продолжала „воевать“ с Польшей. Никакой войны в дѣйствительности не было, но была герметически закрыта польско-литовская граница, прекращены транзит, экономическія отношенія, даже обменъ телеграфной и почтовой корреспонденціей. От этого тяжело страдало виленское население, но особенно трудно приходилось Литвѣ, два морскихъ порта которой остались без всякаго подвоза с континента. Гораздо большее, однако, значеніе имѣли политическіе международные интересы, связанные с польско-литовскимъ спором. И Польша и Литва принадлежат к государствам Балтійскаго бассейна, среди которых давно уже возникло стремленіе образовать региональный блок государств, как единое средство защиты от опасности, грозившей имъ непрерывно от восточнаго ихъ сосѣда. Главнымъ препятствіемъ к созданію этого блока и была „война“ между Польшою и Литвою. К тому же этимъ положеніемъ непрерывно пользовалась большевицкая дипломатія, удерживая Европѣ тѣм, что Литва сыграет на Балтикѣ ту самую роль, которая вначалѣ великой войны выпала на долю Сербіи на Балканах. Усилія великихъ державъ и умѣренность Польши привели к тому, что спор, если не окончательно ликвидирован, то во всякомъ случаѣ смягченъ его опасные моменты. Состояніе „войны“ между Польшою и Литвою отнынѣ прекращено и возстанавливаются экономическія, почтовые и иные отношенія между двумя державами. Всѣ остальные вопросы будут урегулированы непосредственными переговорами заинтересованныхъ сторонъ при посредничествѣ Франціи. Такимъ образом, из рукъ большевиковъ вырвано еще одно орудіе возможныхъ интригъ, и стабилизация Европы пододвинулась к самымъ границамъ СССР.

В концѣ прошлаго мѣсяца состоялся в Женевѣ при Лигѣ Націй засѣданіе Комиссіи по разоруженію, в которой приняли участіе и большевики, хотя имъ никто и не послалъ специальнаго приглашенія. Свое участіе в

Комиссіи они использовали двояко: публично — для прочтенія разсчитанной на демагогію деклараціи о такъ называемомъ „интегральномъ“ разоруженіи, и за кулисами — для свиданій с представителями великихъ державъ с цѣлью возстановить свое подорванное в Европѣ дипломатическое положеніе. Ни та, ни другая цѣль не была достигнута. Декларація ихъ была обмѣяна, а визиты к Бриану, и особенно — к Чемберлену не дали положительныхъ результатовъ. С тѣмъ большевики и уѣхали из Женевы. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого оказалось, однако, что поездка в Европу была только, такъ сказать, диверсія, имѣющая цѣлью прикрыть военными дѣйствіями, начатыя большевиками все в томъ же Китаѣ, который уже одинъ разъ ускользнулъ было изъ совѣтскихъ рукъ.

В то время какъ Литвинъ ораторствовалъ в Женевѣ, в Кантонѣ высланный имъ спеціальнымъ агентомъ тов. Ковшикъ, вмѣстѣ с мѣстнымъ генеральнымъ совѣтскимъ консуломъ и цѣлымъ штатомъ московскихъ коммунистовъ, готовилъ новую кровавую баню китайскимъ и инымъ „буржуямъ“. Восстаніе, подготовленное в Кантонѣ московскими дипломатами имѣло цѣлью „физическое истребленіе всѣхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ“. И дѣйствительно, когда коммунисты неожиданнымъ западеніемъ овладѣли миллионною столицей южнаго Китая, первымъ ихъ дѣломъ было рубить головы всѣмъ захваченнымъ „буржуямъ“. В Москвѣ пришли в восхищеніе отъ такого поведенія тов. Ковшика и тов. генеральнаго консула. В историческомъ рѣчи на патіиномъ совѣщаніи тов. Бухаринъ сообщил, что за одинъ день в Ханкинѣ отрублено 400—500 головъ, не считая головъ полицейскихъ, военныхъ и т.д. Товарищи-слушатели кричали: „Мало! Мало!“

Торжество длилось не долго. Китайскій генералъ Чан-Кай-Шекъ, когда то другъ Москвы, выслалъ в Кантонъ войска, которая в упорномъ бою раздавила коммунистовъ и русскихъ и китайскихъ. Они жестоко расправились и с тѣми и с другими, слѣдуя точному примѣру тов. Бухарина и его слушателей. Возили русскихъ большевиковъ с плакатами по улицамъ, били, разстрѣливали, рубили имъ головы. Цѣлыя улицы были устланы трупами, конечно, главнымъ образом, китайцевъ, ободѣнныхъ совѣтскими агентами. Но физической расправой правительство южнаго Китая не удовлетворилось. Слѣдуя примѣру правителя сѣвернаго Китая, оно закрыло всѣ совѣтскія дипломатическія, торговыя и даже банковыя учрежденія и выслало ихъ персоналъ из предѣловъ Китая, очистивши такимъ образомъ территорію отъ большевицкой заразы. Большевицкій министръ иностранныхъ дѣлъ тов. Чичеринъ протестовалъ противъ этого особой нотой, на которую не получилъ отвѣта. Такъ закончилась „китайская акція“ СССР; на этотъ разъ, какъ кажется, надолго.

Нуждаясь в деньгахъ, большевики начали с Японіей переговоры о продажѣ имъ русской части острова Сахалина, и японцы, какъ сообщаютъ англійскія газеты, не прочь принять эту сдѣлку, надѣясь найти тамъ нефтяныя мѣсторожденія. Торговля территоріями давнымъ давно уже вышла изъ европейскаго оборота, но большевики ссылаются на то, что царскій режимъ тоже не брезгалъ подобными сдѣлками, продавши в свое время

Америці Сѣверо-Американским Штатам за пустякову цѣну. Сколько запрашивают Совѣты и сколько даст наша казачья эмиграція, но как бы ни закончилась эта торговля, она будет выгодной только для Японіи. Для выгоды даст ей не проблематическая нефть, а тот

факт, что, продавши свою часть Сахалина, Россійское государство, даже и сохранивши за собою Владивосток, фактически перестает быть тихоокеанским государством. За это стоит заплатить нѣкоторое количество денег.

## Казачья эмиграція.

Казакі в Бразиліи.

(Из писем).

Разбросала нас судьба по цѣлому свѣту. Было бы интересно, и не только для нас самих, собирать как можно болѣе полныя свѣдѣнія о том, гдѣ и как живет наша казачья эмиграція, что дѣлает и как к ней относятся тот или иной чужой народ.

Один из казаков (кубанец), прич. д-р Б., в началѣ этого года пустился в далекое плаваніе (в прямом и переносном смыслѣ) — в Бразилію. Сначала устроился было в приморском городѣ Porto Alegre, нанял квартиру, в долг купил обстановку и хотѣл практиковать. Что было дальше, — видно из слѣдующих отрывков из его послѣдних двух писем к своему брату „в Европу“.

— „... Писал тебѣ, как устроился в Porto Alegre. Теперь напишу, как я выбрался из того очень невыгоднаго для меня положенія, в котором я очутился здѣсь. Выбраться же мнѣ пришлось отсюда по той простой причинѣ, что не было денег платить долги, а также и на жизнь. В Porto Alegre можно бы было хорошо зарабатывать, если бы можно было выдерживать нѣсколько мѣсяцев со своими деньгами, не рассчитывая на заработок, котораго сначала ни у кого из врачей не бывает. Нужно сначала завоевать довѣріе публики. У меня же денег не было. Нужно было все дѣлать в долг. Но долги надо платить. Прошло 2 мѣсяца, а я смог погасить только долг за 1 мѣс. Нужно было что-то предпринимать... Состояніе мое в это время было отвратительное, главное потому, что я слугу заложил было своей дипломом. Ходил послѣднее время, как в воду опущенный... Недѣлю двѣ уже не обѣдал. И вот в это время получаю письмо от одного староста итальянской колоніи с предложеніем открыть у них маленькую больницу и аптеку. За это предложеніе я ухватился, как голодная собака за кость. Поѣхал туда посмотреть.“

Мѣста чудныя: горы, лѣса, большая рѣка, много виноградных садов, в общем мѣстность напоминает наш южный Кавказ. Даже климат такой почти, как на Кавказѣ. Одно плохо: много, во первых, амѣб, всѣ онѣ почти ядовитыя, особенно „крестовыя“, которыя никогда не убѣгают, а, наоборот, сами нападают, во вторых — много больших проказой. Но это еще ничего. Бѣда в том, что в тут опять нужны были деньги. Должен был поворачивать не содоно хлебавши. Но все же условился, что окончательный отвѣтъ с их стороны и с моей будет дан 1 августа.

Ѣхал я „домой“ и думаю тяжкую думал; даже маленькой надежды на полученіе каких-либо денег я не имѣл. В поѣздѣ познакомился с одним итальянцем. Знакомству этому и не придавал сначала никакого значенія. О дѣлах, меня волнующих, ни слова не сказали, говорили о всяких пустяках, о мѣстной жизни, обычаях и пр. Мѣстные жители здѣсь вообще охотно разсказывают о своих „враках“, что очень хорошо, так как, не зная мѣстной жизни, ее мелочей, можно нелегко попасть в неприятное положеніе... Мой новый знакомый пришел ко мнѣ в гости в Porto Alegre и прямо спросил меня, почему я медлю принять мѣсто в колоніи. Я сказал ему правду. Посидѣвъ он у меня в гостях и ушел и привел старосту той колоніи и еще одного мѣстнаго врача. Когда они узнали, что я не имѣю денег и что уѣхать с Porto Alegre не могу, пока

не заплачу свои долги, этот врач мнѣ предложил работать вмѣстѣ с ним в той колоніи. Оборудование больницы в аптеки он берет на себя и покупает у меня мой кабинет, чѣм дает возможность вытѣкнуть мнѣ из долгов.

Дѣло сдѣлано. Подписали контракт, получил я сейчас же деньги, заплатил долги, получил опять диплом на руки и хожу теперь гоголем, обѣдаю и ужинаю...

... Я уже на новом мѣстѣ. Забрался в такую глушь, что трудно и представить. Почта сюда ходит один раз в недѣлю да и то с „оказіей“. Населеніе, как уже писал тебѣ, итальянское, но есть много и черных. Живу я у доктора, жена у котораго есть смѣсь: начало — итальянец с негритянкой, во втором поколѣніи — результат этой смѣси с индианкой, а потом эта новая смѣсь — с бразильянцем. Сам доктор — бразилец. Собственно он не доктор. Он не только университет, но вряд-ли и начальную школу видѣл. Здѣсь каждый, кто захочет, может быть доктором, инженером и всѣм чѣм угодно. Никто здѣсь не спрашивает диплома; да вряд-ли и понимают, что такое диплом. Народ здѣсь страшно некультурный. Жизнь самая примитивная и довольно дикая. Всѣ споры рѣшаются или клябром револьвера или дрянно ножи...

... Имѣю уже собственнаго довольно приличнаго коня, без котораго здѣсь жить нельзя...

... Я здѣсь не имѣю абсолютно никаких свѣдѣній о том, что дѣлается „в свѣтѣ“. Совсѣм отрѣзан от міра...

... В этой глуши, несмотря на дикость обычаев и дикость самих людей, привыкли лечиться и заработок приличный. Сейчас очень занят оборудованием госпиталя и аптеки. Думаю, что дѣла пойдут прилично. Еще госпиталь не готов, а уже имѣем паціентов, большей частью хирургическіе случаи. Мнѣ придется работать почти исключительно по хирургіи...

... Писал уже вам, что перебрался на новое мѣсто (т. е. в итальянскую колонію, о которой была рѣчь выше). Попал в такую глушь и дичь, что вы там навѣрное и представить себѣ не сможете. Думал вначалѣ, что привыкну я будет хорошо, но теперь начинаю опасаться, что привыкнуть здѣсь никогда не смогу. Смогу, пожалуй, выдерживать нѣкоторое время, чтобы подрабатывать денег и перебраться в болѣе культурное мѣсто... Одно здѣсь хорошо: это климат и природа. Сейчас здѣсь весна, все цвѣтет, много зелени. Лѣса хороши... В этих лѣсах живут колонисты, большей частью итальянцы, потом негры и немного прирученных индѣйцев. Называются эти колонисты кобоку-я-ми, т. е. мѣстными жителями. Очень интересный народ. Много между ними таких, которые почти совсѣм не умѣют говорить, но всѣ очень религіозны, почти фанатики. Занимаются винодѣліем, сѣют кукурузу и немного хлѣба. Почти всѣ богатые, но живут наипримитивнѣйшим образом. Семьи очень многочисленны, дѣти считаются десятками. Женятся и замуж выходят 14—16 лѣт. Дѣлается это для того, чтобы имѣть как можно больше рабочих рук...

... Если у тебя есть какия-нибудь книги для чтенія, ради Бога пошли их мнѣ — от скуки и тоски можно сойти с ума...